С. Н. БУЛГАКОВЪ

ВѢНЕЦЪ ТЕРНОВЫЙ

(ПАМЯТИ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Проф С. Н. Булгаковъ.

ВѢНЕЦЪ ТЕРНОВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

1907.

Типографія „Отто Унфугъ“ С.-Петербургъ, ул. Гоголя № 21.

Вѣнецъ терновый.

Памяти Ѳ. М. Достоевскаго [1]).

Достоевскій закончилъ свою безсмертную рѣчь о Пушкинѣ слѣдующими словами: «Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собой въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ».

Эти глубокія слова приложимы и къ самому Ѳ. М. Достоевскому. Въ извѣстномъ смыслѣ и всякій человѣкъ есть неразгаданная тайна, хотя мимо нея обыкновенно проходятъ, ея не замѣчая, но въ особенности это ясно относительно тѣхъ людей, которые раскрывали свою душу, и чѣмъ больше они ее раскрывали, тѣмъ загадочнѣе становилась ихъ индивидуальность, тѣмъ неразгаданнѣе сходили они въ могилу. Послѣднее слово, тайна живой индивидуальности, ея духовная сущность, оставалась все-таки невысказанной, творческій замыселъ, вызвавшій къ бытію эту живую душу, нераскрытымъ, и о томъ, что же дѣйствительно было самымъ важнымъ, подлиннымъ, существеннымъ въ человѣкѣ, приходится только гадать и спорить. И въ высочайшей степени все это приходится сказать объ индивидуальности такой мощи, богатства и сложности, какою былъ Ѳ. М. Достоевскій. Найдется ли во всей русской и, быть можетъ, даже міровой литературѣ бо́льшая сложность, причудливая изломанность души, чѣмъ у Достоевскаго, и вотъ почему печатью особенно глубокой тайны запечатлѣна его индивидуальность. Эту то тайну намъ и приходится те-

[1]) Читано на вечерѣ въ память Ѳ. М. Достоевскаго въ Кіевѣ 25-го февраля 1906 г. и было напечатано въ №1 журнала «Свобода и Культура». Вторично печатается въ исправленной авторомъ редакціи.

перь разгадывать. Въ чемъ же душа Достоевскаго гдѣ сказалась ея подлинная, первозданная стихія, не то, что онъ самъ думалъ и писалъ о себѣ, но чѣмъ онъ былъ и что фактически дѣйствовало въ немъ? Отвѣтить на подобный вопросъ вообще можно только субъективно: это значитъ разсказать о томъ, что видитъ въ немъ внутреннее око каждаго, что онъ чувствуетъ въ Достоевскомъ, почему ему нуженъ и дорогъ Достоевскій, во что онъ вѣритъ въ Достоевскомъ (ибо въ концѣ концовъ здѣсь, какъ и вездѣ, самой основной и центральный вопросъ рѣшаетъ только актъ вѣры, внутренняго ясновидѣнія, интуитивнаго чувства). Отвѣтить на вопросъ, въ чемъ тайна личности, значитъ духовно познать ее, а это познаніе есть такой интимный внутренній актъ, который основывается только на духовномъ сліяніи, на сокровенномъ касаніи душъ, скорѣе на непосредственномъ воспріятіи, нежели на рефлектирующей дѣятельности разсудка.

Въ отношеніи къ Достоевскому, въ познаніи его со стороны русскаго общества и русской критики существуетъ двоякое теченіе. Одна часть—я не преувеличу, если скажу, что къ этому разряду принадлежитъ большинство—относится къ Достоевскому съ грубымъ равнодушіемъ, его не замѣчаетъ, а въ литературномъ отношеніи отдѣлывается обыкновенно дешевыми пріемами азбучнаго обличенія политическихъ заблужденій Достоевскаго. Вся проблема Достоевскаго, если таковая и есть, исчерпывается тѣмъ, что Достоевскій неправо мыслилъ о самодержавіи и о другихъ политическихъ вопросахъ, былъ въ извѣстномъ смыслѣ политически неблагонадеженъ. Наклеить ярлыкъ реакціи и сдать въ архивъ—это такъ просто, такъ потакаетъ сложившимся привычкамъ и умственной лѣни, что нечего удивляться, если и до сихъ поръ не прекращаются подобныя упражненія. Критиками своего времени (за совершенно единичными исключеніями) Достоевскій былъ мало понятъ, и даже проницательный Михайловскій отнесся къ нему поверхностно-публицистически, увидѣвъ въ немъ лишь «жестокій талантъ».

Такому духовному равнодушію къ Достоевскому и оцѣнкѣ его лишь подъ политическимъ угломъ зрѣнія въ новѣйшее время какъ будто положенъ конецъ. Начинается болѣе серьезное изученіе Достоевскаго. Черезъ четверть вѣка послѣ смерти Достоевскаго, наконецъ, замѣтили и начи-

нютъ понимать. (Кстати, въ настоящее время выходитъ одновременно и на французскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ первое полное собраніе сочиненій Достоевскаго, до сихъ же поръ оставались не переведенными такія произведенія, какъ: «Бѣсы», «Братья Карамазовы» и др.). Достоевскаго вообще можно не замѣчать и противъ этой духовной слѣпоты нечѣмъ пособить,—но тому, кто однажды его замѣтилъ, уже не оторваться отъ «жестокаго таланта», для того Достоевскій становится спутникомъ на всю жизнь, мученіемъ, загадкой, утѣшеніемъ. Средины здѣсь быть не можетъ. Замѣтивъ Достоевскаго, нельзя уже отъ него оторваться. Только это не значитъ, что онъ можетъ быть воспринятъ легко и просто, что онъ ясенъ и успокаиваетъ противорѣчія. Нѣтъ, проблема Достоевскаго дѣйствительно трудна, сложна и мучительна. Ибо въ душѣ этого человѣка происходила великая, непрерывная борьба, и изъ кратера этого клокочущаго вулкана извергались и огонь, и расплавленный металлъ, и лава, смѣшанная съ горячей грязью. Нельзя скрывать, что и въ Достоевскомъ, дѣйствительно, есть нѣчто и такое, отъ чего нужно отказываться,—и это дѣлалъ, напр., такой ближайшій его единомышленникъ, какъ В. С. Соловьевъ. Въ этомъ живомъ конгломератѣ, который представляетъ эмпирическая душа Достоевскаго, чистѣйшее золото спаялось съ золою и шлакомъ, окончательнаго отдѣленія ихъ не произошло, и оборвавшаяся жизнь унесла въ могилу тайну разрѣшенія, синтеза, примиренія и послѣдней очистки, отдѣленія добра отъ зла. И эту видимую противорѣчивость каждый тоже толкуетъ по своему, у однихъ ложатся на верхъ однѣ страницы изъ Достоевскаго, у другихъ—другія, одни видятъ лишь случайный эмпирическій наростъ въ томъ, отъ чего приходится отказываться въ Достоевскомъ, напротивъ, другіе въ этомъ видятъ выраженіе потаенной сущности, какъ бы приговоръ надъ всею индивидуальностью Достоевскаго. И каждый, повторяю, интимно воспринимая Достоевскаго, выражаетъ въ сущности то, во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ въ немъ, а вмѣстѣ и то, что и самъ онъ имѣетъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ. И въ этомъ смыслѣ отношеніе къ Достоевскому болѣе, чѣмъ многое другое, характеризуетъ собственную индивидуальность человѣка, опредѣляетъ его, такъ сказать, калибръ.

Когда хоронили Достоевскаго, многочисленная толпа провожала траурную колесницу на кладбище и, по описаніямъ современниковъ, толпа эта была самаго различнаго состава: учащаяся молодежь, студенты и курсистки разныхъ спеціальностей, офицеры и дамы, юноши и старики, такая же разнообразная толпа какъ та, которая восторженно рукоплескала за полгода передъ тѣмъ Пушкинской рѣчи съ проповѣдью о всечеловѣкѣ, когда общее напряженіе восторга разрядилось обморокомъ неизвѣстнаго молодого человѣка близъ кафедры у ногъ Достоевскаго. Что же соединило эту толпу и породило этотъ до боли доходящій, мучительный энтузіазмъ любви и благодарности за рѣчь, которая шла въ разрѣзъ всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ и предразсудкамъ, которая кичливыхъ и самодовольныхъ звала къ покаянію (смирись, гордый человѣкъ! смирись праздный человѣкъ! такъ восклицалъ къ русской интеллигенціи Достоевскій)? Конечно, и въ похоронной процессіи, и на Пушкинскомъ праздникѣ было очень мало политическихъ сторонниковъ Достоевскаго, да и вообще были люди самыхъ различныхъ политическихъ мнѣній. Были сломаны, значитъ, политическія перегородки, обычно раздѣляющія людей, общій энтузіазмъ испепелилъ ихъ кажущуюся крѣпость! Мало было и такихъ, которые подозрѣвали дѣйствительные размѣры литературнаго и философскаго генія Достоевскаго. Вѣдь, по совѣсти говоря, его слѣдуетъ причислить къ величайшимъ писателямъ и величайшимъ мыслителямъ всѣхъ временъ и народовъ. Вѣдь, предъ легендой о Великомъ Инквизиторѣ и вообще философскими главами «Братьевъ Карамазовыхъ» (и другими его страницами) блѣднѣетъ—говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ—Фаустъ Гете и мистеріи Байрона, вѣдь въ романахъ Достоевскаго, нужно прямо сказать, заключено гораздо больше подлинной философіи, нежели въ десяткахъ томовъ профессоровъ философіи и вообще школьныхъ ея представителей. Достоевскимъ были предугаданы и такія своеобразныя и симптоматическія явленія европейскаго сознанія, какъ Ницше, и не только предугаданы, но и гораздо ярче и сильнѣе выражены (вспомните галлерею ницшеанскихъ типовъ: Раскольниковъ, Кирилловъ, Ставрогинъ и Иванъ Карамазовъ). Пониманіе общаго значенія Достоевскаго въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ остается удѣломъ немногихъ и кромѣ того, въ этомъ

я тоже глубоко убѣжденъ, вполнѣ еще вообще недоступно пока никому и раскроется лишь будущимъ временамъ.

Чѣмъ же, стало быть, былъ дорогъ Достоевскій этой разношерстной толпѣ, какая интимная связь породнила его съ тѣми, кто, не раздѣляя вовсе его вѣры, его мнѣній, не можетъ проникнуть и во всю сложность его духовной жизни? Очевидно, эта привязанность относится болѣе къ человѣку, чѣмъ къ литератору и художнику, очевидно, она основывается на болѣе глубокомъ фундаментѣ, нежели литературныя симпатіи или политическія мнѣнія, которыя складываются иногда въ силу чисто логическихъ переживаній. Отъ сердца къ сердцу и отъ совѣсти къ совѣсти идетъ эта незримая связь, она проходитъ въ тѣхъ глубинахъ, гдѣ скрыта связь матери и ребенка, брата и сестры, ближайшихъ друзей. И, мнѣ кажется, въ этомъ покоряющемъ обаяніи именно и нужно искать разгадки тайны души Достоевскаго, не въ литературѣ, а въ томъ, что стоитъ за литераторомъ и иногда имъ даже заслоняется и маскируется—въ человѣкѣ, т. е. въ его сердцѣ. Больное, любящее и страдающее сердце,—вотъ святыня, предъ которой преклоняются всѣ колѣни, и вотъ то, что влечетъ къ Достоевскому чрезъ всѣ разногласія съ нимъ, непониманіе и предразсудки. Достоевскому былъ данъ страшный, истинно человѣческій и единственно человѣческій даръ — даръ страданія во имя любви къ людямъ, даръ страданія и крестъ страданія. Если бы мы не были такіе эгоисты, если бы мы не были заняты постоянно своими мелкими личными дѣлами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для насъ. Стоитъ только открыть глаза и уши, прислушаться къ голосамъ этого міра, мы услышимъ отъ всѣхъ временъ и народовъ, отъ прошлаго и настоящаго нестерпимый стонъ, проклятія, жалобы, плачъ дѣтей, мы почувствуемъ, что земля подъ нами пропитана кровью и весь этотъ міръ и вся исторія есть одна мучительная трагедія. Мы не можемъ вынести и вмѣстить этого, мы слишкомъ любимъ себя и свой покой, и только потому мы живемъ въ относительномъ покоѣ. Этого мало: въ мѣру своего собственнаго развитія, мы начинаемъ понимать не только физическія, но и духовныя страданія, которыхъ не подозрѣвали ранѣе: простому человѣку муки Фауста, Раскольникова или Ивана Карамазова представляются блажью. Слышать и пони-

мать, а, слѣдовательно, и раздѣлять, и нести на себѣ всѣ скорби и грѣхи всего міра, есть дѣло Бога, и мы приближаемся здѣсь къ страшной тайнѣ Геѳсиманской ночи, кроваваго боренія и пота. Но къ священной оградѣ Геѳсиманскаго сада, изъ котораго есть только одинъ путь — на Голгоѳу, приближается всякій въ мѣру своего страданія за другимъ, безкорыстной, самоотверженной скорби и боли за человѣка. И близко, ближе многихъ другихъ подошелъ къ ней Достоевскій, и это то и почувствовала въ немъ своими неокаменѣвшими еще сердцами молодежь. Достоевскаго, этотъ «жестокій талантъ», который принялъ въ свою душу и муки Раскольникова, и страданія Сони, и стыдъ Мармеладова, и горе Екатерины Ивановны, и слезы замученныхъ дѣтокъ, и тоску Карамазова, и бѣдныхъ людей, и униженныхъ и оскорбленныхъ, и каторжниковъ и аристократовъ, Достоевскаго, который и насъ мучитъ этой своей мукой, исторгаетъ слезы и у жестокихъ, жжетъ своимъ огнемъ, этого Достоевскаго не въ состояніи искренно отвергнуть человѣкъ, онъ можетъ отъ него заслониться, не допустить его до своего сознанія, но святыни этого человѣческаго страданія и любви къ человѣку онъ не можетъ сознательно отвергнуть, какъ не можетъ сознательно отвергнуть и того, Кто мучился за людей и молился во тьмѣ Геѳсиманскаго сада. И та Голгоѳа, которая была въ сердцѣ у Достоевскаго, тотъ крестъ, который былъ въ немъ воздвигнутъ, вотъ что повелительно склоняетъ насъ передъ Достоевскимъ.

Крестнымъ путемъ, черезъ страданіе каторги, чрезъ грязь и черноту жизни, чрезъ распахнувшіяся для него бездны человѣческаго сердца и муки пришелъ Достоевскій къ Тому, Кто весь есть Любовь и, однажды увидавъ и понявъ тайну подвига распятаго Бога, всю Его единственность и святость, онъ утвердился на Немъ, какъ на основаніи для вѣры и въ людей, и въ Бога, и въ спасеніе человѣчества. Христосъ занялъ всю его душу, да иначе этого быть не можетъ: Его можно отвергнуть, но если принять, то только всей душой. Въ посмертныхъ замѣткахъ Достоевскаго значится, между прочимъ, планъ «написать книгу объ Іисусѣ Христѣ». Мы не знаемъ, написалъ ли бы онъ эту книгу, но въ извѣстномъ смыслѣ всѣ его книги, особенно послѣднихъ лѣтъ, написаны о Христѣ, во всѣхъ

Онъ является истиннымъ, хотя и незримымъ центромъ, иногда выступая открыто. Величайшее торжество генія Достоевскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ, снявъ церковную позолоту и византійскую традиціонность, по новому, по-своему, сумѣлъ въ своихъ произведеніяхъ дать почувствовать живого Христа, онъ ставитъ Его какъ бы среди насъ и, приближая Его, научаетъ любить Его. Неотразимой силы и пафоса достигаетъ поэтому Достоевскій именно въ тѣхъ мѣстахъ своихъ произведеній, гдѣ появляется у него зримо или незримо Христосъ. Вспомните потрясающую сцену чтенія Евангельскаго разсказа о воскресеніи Лазаря въ «Преступленіи и наказаніи», гдѣ «убійца и блудница сошлись за чтеніемъ вѣчной книги» и гдѣ до глубочайшаго дна распахиваются вдругъ глубины грѣшной и скорбной человѣческой души, вспомните главу о Канѣ Галилейской въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», гдѣ тоже описывается моментъ такого душевнаго подъема, когда человѣкъ опредѣляется на всю жизнь. Особенно интересно, что говоритъ въ «Бѣсахъ» на своеобразномъ своемъ языкѣ воинствующій атеистъ Кирилловъ предъ самоубійствомъ, предпринимаемымъ, чтобы по ницшеански «заявить своеволіе».

«Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: «будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣми, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ, Ему такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и Этого, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты—ложь и дьяволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?»

Какая странная и дикая идея—дать почувствовать Христа въ проникновенно-предсмертномъ бредѣ невѣрующаго человѣка и, между тѣмъ, потрясающая правда этого изображенія сама говоритъ за себя.

Вспомните, наконецъ какъ описано появленіе Христа въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ»,—вы какъ будто присутствуете при этомъ появленіи. И этой пламенной любовью

ко Христу и опредѣлялось, въ сущности, такъ называемое міросозерцаніе Достоевскаго, его вѣра. Охарактеризуемъ ее лучше всего словами В. С. Соловьева, сказанными надъ могилой Достоевскаго.

«Окончательная оцѣнка всей дѣятельности Достоевскаго, говорилъ Соловьевъ, зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на одушевлявшую его идею, на то, во что онъ вѣрилъ и что онъ любилъ. А любилъ онъ прежде всего живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ, и вѣрилъ онъ, что мы всѣ родъ Божій, вѣрилъ въ безконечную силу человѣческой души, торжествующую надъ всякимъ внѣшнимъ насиліемъ и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Принявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолѣвъ все это безконечною силою любви, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ божественную силу въ душѣ, пробивающуюся чрезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій пришелъ къ познанію Бога и Богочеловѣка. Дѣйствительность Бога и Христа открылась ему во внутренней силѣ любви и всепрощенія, и эту же всепрощающую благодатную силу проповѣдывалъ онъ какъ основаніе и для внѣшняго осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю жизнь» [1]).

Не нужно думать, что легко и безболѣзненно далась Достоевскому эта его вѣра. Напротивъ, цѣною жесточайшей борьбы, отчаянныхъ сомнѣній, мукъ богооставленности («Боже мой, вскую мя еси оставилъ») далась ему она, и часть—конечно, только часть, ибо самаго главнаго здѣсь разсказать нельзя,—разсказываетъ онъ въ своихъ романахъ. Въ человѣческой душѣ ему были открыты такія глубины содомскаго грѣха, отъ которыхъ кружится голова, но зато и вершины святости съ бѣлѣющими снѣгами вѣчности; вѣдомы были ему и подполье, и притонъ, и тюрьма, и монастырь. Все это открывалъ онъ, конечно, въ своей собственной, всеобъемлющей душѣ, мучительно извлекая оттуда страшные образы. Конечно, ему въ тысячу разъ легче было бы не знать о человѣкѣ того, что онъ зналъ, и не понимать того, что онъ понималъ, но ему надо было это знать и понимать, это входило въ тяжесть креста его. И вотъ въ причудливомъ и фантастическомъ соединеніи чередуются эти типы: Соня и Свидригайловъ, старикъ Карамазовъ и старецъ Зосимъ, Грушенька и юродивая (изъ Бѣсовъ), Алеша и Иванъ Карамазовъ, Великій Инквизиторъ и чортъ въ кошмарѣ Ивана Ѳедоровича, и все это клокотало и боролось въ немъ самомъ

[1]) Собраніе сочиненій Вл. Соловьева. Т. III. 169—170.

въ мучительной борьбѣ. И въ чисто философскихъ вопросахъ религіи передъ Достоевскимъ открывались такія бездны сомнѣній, которыя и не снятся ходячему, беззаботному и поверхностному отрицанію, такъ что на этомъ основаніи иные считаютъ Достоевскаго атеистомъ, только страстно жаждавшимъ вѣры, но ея не нашедшимъ. Достоевскій не былъ философомъ-систематикомъ, онъ не противопоставлялъ аргументовъ аргументамъ, побивая одни другими и самъ дѣлая свой окончательный выводъ. Онъ клалъ на полотно художественное изображеніе чувствъ и настроеній, иногда взаимно исключавшихъ другъ друга. Сказать, возвысился ли онъ самъ надъ этой борьбой, побѣдитель онъ или побѣжденный, значитъ тоже пытаться раскрыть неразгаданную тайну его, можетъ быть самую роковую и страшную тайну. Предъ концомъ жизни Достоевскій далъ самый жестокій и рѣшительный бой противоположнымъ началамъ, боровшимся въ его душѣ, въ романѣ «Братья Карамазовы», гдѣ «бунтъ» и «Легенда о великомъ инквизиторѣ» чередуются съ поученіями старца Зосимы и «Каной Галилейской», гдѣ всѣ вопросы обострены въ ужасающей степени. Этотъ романъ остался незаконченнымъ, его окончательная развязка и послѣднее слово автора унесены въ могилу, и смерть поставила свое обычное многоточіе. Можетъ быть, даже и формально, и для всѣхъ безспорно, авторомъ была бы дана побѣда однимъ началамъ надъ другими. Но во всякомъ случаѣ отвѣтить на вопросъ, что побѣждало въ душѣ у Достоевскаго, чѣмъ онъ былъ самъ, Иваномъ или Алешей (и т. п.), съ безспорностью, устраняющей всякія возраженія, нельзя.

Это есть въ высшей степени субъективное воспріятіе одной душой музыки другой, гдѣ имѣетъ значеніе не только резонируемое, но и свойства резонатора, гдѣ приходится вырывать или разгадывать самую интимную тайну чужой души. Я лично не сомнѣваюсь и не сомнѣвался, что положительныя начала торжествовали въ душѣ Достоевскаго, что вѣра торжествовала надъ его сомнѣніями, хотя и не устраняла остроту ихъ переживаній. Основной и существенный аргументъ въ пользу этого мнѣнія я вижу въ томъ, что иначе Достоевскому не давалось бы изображеніе такой силы положительныхъ религіозныхъ переживаній, въ его сочиненіяхъ не появлялось бы того лика Христова, который при-

сутствуетъ въ нихъ теперь, иначе, быть можетъ, они просто не были бы написаны, однимъ словомъ, весь тонъ, планъ, всѣ дерзанія проповѣди тогда были бы иными. Весь окровавленный, Достоевскій тѣмъ не менѣе остался побѣдителемъ. Такъ я чувствую Достаевскаго, и самому мнѣ не пришло бы даже въ голову защищать этотъ тезисъ, если бы противоположное настойчиво не повторялось нѣкоторыми современными скептиками.

Перехожу теперь къ той категоріи взглядовъ Достоевскаго, которые принято называть общественнымъ міровоззрѣніемъ. Очевидно, что у Достоевскаго оно было вслѣдствіе сложности его общаго міровоззрѣнія сложнѣе, нежели у большинства его—да и нашихъ—современниковъ, обыкновенно довольствующихся упрощеннымъ механическимъ и матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ, при полномъ отсутствіи философскаго и религіознаго углубленія и даже съ отрицаніемъ такового. Тамъ, гдѣ кончаются въ немъ всѣ вопросы, для Достоевскаго, въ сущности, они только начинаются. Обычныя теоріи прогресса не чувствуютъ міровой трагедіи или, вѣрнѣе, чувствуютъ ее только для настоящаго момента, сравнительно холодны къ ней въ прошломъ и совсѣмъ не даютъ ей мѣста въ будущемъ, для котораго рисуется перспектива земного рая для грядущихъ поколѣній. Очевидно, здѣсь нѣтъ мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что это есть достаточное разрѣшеніе міровой трагедіи, съ которымъ благодушно примирятся счастливые человѣкобоги будущаго, эти своеобразные потребители исторической прибавочной цѣнности (прилагая сюда терминологію Маркса). Однако, будетъ справедливо усумниться, можно ли видѣть истинно-человѣческій прогрессъ въ такомъ типѣ развитія. Устами Ивана Карамазова Достоевскій выразилъ это сомнѣніе о цѣнѣ прогресса и о пріобрѣтеніи чьего бы то ни было счастья хотя бы слезинкой ребенка. Вы помните, что Иванъ бунтуетъ противъ Бога и Его міра и отрицаетъ возможность гармоніи и прощенія даже въ будущемъ вѣкѣ. Если «бунтъ» Ивана въ данномъ случаѣ не есть бунтъ самого Достоевскаго (и, самое большее, лишь одно изъ его настроеній), то бунтъ этотъ à fortiori приложимъ къ той теоріи земного прогресса, о которой мы говоримъ. Одно изъ двухъ: или каждая человѣческая личность, какъ считалъ Достоевскій, есть высшая цѣнность, которая не можетъ разсматриваться какъ средство,

и въ такомъ случаѣ вся эта теорія, основанная на историческомъ «унаваживаніи» трупами однихъ для будущаго счастья другихъ, которыхъ не стошнитъ отъ такого счастья, не даетъ никакого выхода изъ міровой трагедіи, или же люди, дѣйствительно, не равны въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, и будущіе исполины или человѣкобоги представляютъ собой истинную цѣнность и цѣль исторіи, а мы относимся къ нимъ, примѣрно, такъ же, какъ обезьяны или еще болѣе отдаленные зоологическіе виды къ людямъ. Но, очевидно, такое воззрѣніе отнимаетъ почву вообще у всякихъ идеаловъ, по крайней мѣрѣ, демократическаго и соціалистическаго характера. Поэтому, при признаніи въ каждомъ человѣкѣ личности, абсолютныхъ правъ и образа Божьяго, приходится признать, что или совсѣмъ нѣтъ разрѣшенія міровой трагедіи, и теорія прогресса есть фальшь и самообманъ, или же это разрѣшеніе возможно только тамъ, гдѣ видѣлъ его и Достоевскій, т. е. въ христіанской вѣрѣ о возстановленіи всѣхъ цѣнностей, всѣхъ индивидуальностей, о будущемъ вѣкѣ, короче, о всеобщемъ воскресеніи. При этомъ воззрѣніи и историческій процессъ съ его относительнымъ и условнымъ прогрессомъ получаетъ свое значеніе и смыслъ, какъ необходимое звено общаго богочеловѣческаго процесса.

Но, оставляя въ сторонѣ эти міровые вопросы, и въ рамкахъ относительнаго историческаго прогресса у Достоевскаго не могло не быть, конечно, серьезныхъ пунктовъ разногласія съ господствующимъ позитивизмомъ. Мнѣ совѣстно увѣрять, что автору «Униженныхъ и оскорбленныхъ» не были чужды соціальные вопросы, вопросы богатства и бѣдности, то, что въ широкомъ смыслѣ можно назвать проблемой соціализма. Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что и для него она разрѣшалась только въ одномъ смыслѣ, въ какомъ она только и можетъ вообще разрѣшаться, идеаломъ и для него было устраненіе соціальной неправды и установленіе всеобщей солидарности. Но онъ находилъ и, оставаясь вѣренъ всему своему міровоззрѣнію, конечно, не могъ не находить, что въ матеріалистическихъ теоріяхъ соціализма вопросъ ставится слишкомъ просто и недостаточно глубоко и что для достиженія всеобщей солидарности одного механическаго соединенія людей слишкомъ мало. Онъ не отрицалъ правды соціализма (какъ это можетъ по-

казаться иному читателю въ виду его обычныхъ нападокъ на соціализмъ, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ въ виду только одну его версію, именно матеріалистическую, какъ наиболѣе распространенную), но онъ хочетъ эту относительную правду поставить въ связь и подчинить высшей религіозной правдѣ, согрѣть и оживить холодныя и мертвыя стѣны религіознымъ огнемъ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать слова его, написанные въ послѣднемъ выпускѣ «Дневника писателя»: «не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ в с е с в ѣ т л ы м ъ е д и н е н і е м ъ в о и м я Х р и с т о в о. Вотъ нашъ русскій соціализмъ». Конечно, это требованіе разсматривать правду соціальную лишь въ свѣтѣ правды религіозной само по себѣ не препятствуетъ признавать все великое значеніе и внѣшнихъ реформъ, такъ сказать, внѣшняго соціализма, который является тоже исполненіемъ внутренней правды и изъ-за того, что онъ не все и не есть даже самостоятельная цѣнность, не слѣдуетъ отрицать или умалять его значенія какъ исторически даннаго средства. Въ обостреніи полемики Достоевскій не соблюдалъ этого масштаба и перегибалъ палку въ сторону, противоположную той, въ которую она была перегнута его противниками, и приближался иногда къ толстовскому индивидуализму, вообще ему чуждому. Мы не хотимъ закрывать глаза на эту соціологическую аберрацію у Достоевскаго, укажемъ только въ его защиту, что онъ не былъ ни реальнымъ соціологомъ, ни политикомъ, ни экономистомъ, ставилъ всегда вопросы въ ихъ принципіальную ширь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ высоты птичьяго полета, въ нѣкоторомъ отвлеченіи отъ непосредственной практики жизни.

Интересна и глубока его критика общественно-механическаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, какъ оно рисуется въ головахъ тѣхъ, кто считаетъ человѣка всецѣло продуктомъ или рефлексомъ экономическихъ и другихъ причинъ, пустымъ мѣстомъ, предназначеннымъ быть складомъ для всякихъ вліяній. Въ одномъ изъ самыхъ своихъ раннихъ произведеній, написанномъ до ссылки (еще 1846 года), въ «Запискахъ изъ подполья», онъ указываетъ на упускаемую при этомъ изъ виду ирраціональность и слѣпое даже своеволіе человѣческой природы, которое можетъ сломать

всякое «цѣлесообразное» и «выгодное» устройство (если оно разумѣется, только однимъ этимъ и держится).

„Тогда—читаемъ мы здѣсь—настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ уже готовыя и тоже вычисленныя съ математической точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Конечно, никакъ нельзя гарантировать, что тогда не будетъ, напр., ужасно скучно (потому что—что же и дѣлать то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь!.. Вѣдь я, напр., нисколько не удивляюсь, если вдругъ ни съ того, ни сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ съ неблагородной или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ той цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вездѣ непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы до сумасшествія,—вотъ это то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная система, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку необходимо непремѣнно благоразумно-выгодное хотѣніе? Человѣку надо одного только самостоятельнаго хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела.

Отрывокъ этотъ даетъ понятіе объ этой своеобразной и ѣдкой критикѣ картинъ будущаго государства во вкусѣ Беллами и под. Но еще болѣе мрачные и трагическіе тоны слышатся, когда Достоевскій говоритъ о нравственныхъ опустошеніяхъ, связанныхъ съ утратой вѣры и высшаго смысла жизни, которыя ощутитъ человѣчество лишь вмѣстѣ съ соціальными успѣхами въ «государствѣ будущаго», устроившись безъ Бога. Проблема атеизма, настоящаго и будущаго, постоянно волновала Достоевскаго, если не за себя, то за другихъ. Вспомните это потрясающее мѣсто изъ разговора «Подростка» съ Версиловымъ и слова этого послѣдняго:

„Я представляю себѣ, милый мой,—началъ онъ съ задумчивой улыбкой,—что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались одни, какъ желали; великая прежняя идея оставила ихъ; великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ то величавое зовущее солнце въ картинѣ Клода Лоррена, но это былъ бы уже какъ бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались одни, и разомъ почувствовали свое великое сиротство. Милый мой мальчикъ, я никогда не могъ вообразить себѣ людей неблагодарными и оглупѣвшими. Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга. Исчезла бы великая идея безсмертія и приходилось бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, Который былъ и Безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность и уже особенной, уже не прежнею любовью. Они стали бы замѣчать и открывали бы въ природѣ такія явленія и тайны, какихъ и не предполагали прежде, ибо смотрѣли бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спѣшили бы цѣловать другъ друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это—все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ на друга, и каждый отдавалъ бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ ему какъ бы отецъ и мать. „Пусть завтра послѣдній день мой,—думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце;—но все равно я умру, но останутся всѣ они, а послѣднихъ дѣти ихъ“, — и эта мысль, что они останутся, все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть въ сердцахъ ихъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и за счастье каждаго. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ, и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть“...

Достоевскій самъ не выдерживаетъ безмѣрной, трагической и безысходной грусти этой картины (столь отличающейся отъ фантазіи проф. Мечникова и под.), она кончается все-таки появленіемъ Христа: «Я не могъ обойтись безъ Него,—говоритъ Версиловъ,—не могъ не вообразить Его, наконецъ, посреди осиротѣвшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «Какъ могли вы забыть Его?» Тутъ какъ бы пелена спадала со всѣхъ глазъ и раздавался бы великій и восторг-

женный гимнъ новаго и послѣдняго воскресенія...» Вотъ думы, которые волновали Достоевскаго относительно «государства будущаго» и которыя такъ далеки и чужды тому, чѣмъ обычно довольствуются по этому вопросу. И какъ же было не возникнуть взаимнымъ недоразумѣніямъ при такой разницѣ?

Намъ предстоитъ теперь коснуться политическихъ мнѣній Достоевскаго, этой самой слабой стороны всего его міровоззрѣнія. Извѣстно, что онъ былъ политическимъ славянофиломъ и отрицалъ конституціонализмъ во имя идеальнаго самодержавія. Исходя изъ этого общаго принципа, въ роли политическаго публициста, которую по странному пристрастію онъ охотно бралъ на себя, какъ ни мало, въ сущности, онъ былъ ей сроденъ, онъ развивалъ идеи внѣшней и внутренней политики, приближающія къ тому, что можно назвать націоналистическимъ имперіализмомъ. Каждая основная ошибка имѣетъ свою логику и, пройденная до конца въ своихъ отдаленнѣйшихъ заключеніяхъ, приводитъ къ явному абсурду. Подобные абсурды наряду съ глубочайшими прозрѣніями встрѣчаются и въ публицистикѣ Достоевскаго, и они представляютъ благодарный матеріалъ для враждебной и поверхностной критики, пользующейся ими для политическаго изобличенія, ненавистнаго имъ не столько въ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, сколько во внутреннихъ основахъ міровоззрѣнія. Если оторвать эти черты отъ генетической связи и прямо сопоставлять ихъ съ основными пунктами его міровоззрѣнія, получается какъ будто зіяющее противорѣчіе, которое психологически, однако, совсѣмъ не такъ велико, какъ логически. Въ отношеніи Достоевскаго къ внутреннимъ вопросамъ русской жизни, какъ и у всего славянофильства, отъ котораго онъ здѣсь не отличается, проявляется прежде всего фактическая историческая ошибка, преувеличеніе способностей, идеализація самодержавія. Это ошибка, столь невозможная для насъ, въ атмосферѣ 60-хъ годовъ, послѣ крестьянской реформы, вся недостаточность которой выяснилась не сразу, и позже, послѣ либеральныхъ реформъ, смѣнившихъ мрачный режимъ предшествующаго царствованія, была гораздо допустимѣе и понятнѣе, и многіе тогда отдавались этому настроенію, идеалы демократическаго, свободолюбиваго самодержавія тогда не звучали такимъ

явнымъ и рѣжущимъ абсурдомъ, какъ теперь въ эпоху бюрократическаго самовластія. Конечно, если бы Достоевскій, И. С. Аксаковъ и другіе славянофилы дожили до нашихъ дней внутренней и внѣшней Цусимы, они примкнули бы—я въ этомъ совершенно убѣжденъ—къ освободительному движенію, хотя, конечно, имѣя свой особенный голосъ, не затерялись бы въ этомъ разноголосомъ хорѣ. Но такого объясненія, конечно, мало. Въ отрицательномъ настроеніи Достоевскаго къ освободительному движенію 60-хъ и 70-хъ годовъ сказывается и своеобразный душевный вывихъ, нѣкоторая аберрація, слѣпота. Въ чемъ ея источникъ? Я вижу его и не только для Достоевскаго, но и для всего славянофильства—въ той религіозно-философской противоположности, какая существовала и по разнымъ историческимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, между славянофильствомъ и западничествомъ. Освободительное движеніе шло подъ флагомъ философскаго нигилизма и матеріализма, ставшаго какъ бы его религіей. И отталкиваясь всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ отъ этого нигилизма, Достоевскій отталкивалъ отъ себя и все, что казалось съ нимъ неразрывно связано, а въ томъ числѣ и конституціонализмъ. Отъ философской лжи противниковъ Достоевскій не успѣлъ отдѣлить политическую правду и связать ее съ своей религіозной правдой. Тогда казалось, что только отрицая религію и можно отрицать самодержавіе, гипнозъ историческаго факта заслонялъ ту истину, что самодержавіе можно и должно отрицать во имя религіозной правды и что именно религіозная критика самодержавія, инстинктивно хватающагося за авторитетъ религіи, есть для него самая убійственная. Это неясно было тогда ни для той, ни для другой стороны, какъ это ясно теперь, въ болѣе позднюю эпоху. Достоевскій съ своимъ міровоззрѣніемъ въ духовной атмосферѣ Базаровскаго нигилизма оставался въ страшномъ подвижническомъ одиночествѣ, а бремя историческаго одиночества, даже возлагаемое на могучія плечи, нельзя нести безъ всякаго вреда для себя, не платясь за него тѣмъ или инымъ духовнымъ уродствомъ. И если Достоевскій отстоялъ себя въ томъ, что было для него самымъ важнымъ, именно въ области религіозно-философской, то исказилась и отчасти изуродовалась, такъ сказать, политическая сторона его

души. Здѣсь надо видѣть слѣды не личнаго распада, но историческаго раскола, поистинѣ, saeculi vitia, non hominis. На нѣкоторыя несоотвѣствующія и частныя противорѣчивости въ міровоззрѣніи Достоевскаго указывалъ еще В. С. Соловьевъ, духовно столь близкій Достоевскому. И на насъ, на тѣхъ, кто считаетъ себя духовными наслѣдниками и Достоевскаго, и Соловьева и продолжателями ихъ историческаго дѣла, лежитъ теперь задача вправлять этотъ вывихъ, вводить правду освободительнаго политическаго и соціальнаго движенія въ религіозное сознаніе, а это послѣднее въ это движеніе, мирить этотъ духовный расколъ, засыпать пропасть, которая образовалась, кажется, еще съ петровской реформы и особенно углубилась въ XIX вѣкѣ.

Возвращаясь къ политическому міровоззрѣнію Достоевскаго и другихъ политическихъ славянофиловъ, слѣдуетъ указать, что ихъ приверженность самодержавію ничего общаго не имѣетъ съ вожделѣніями теперешнихъ охранителей и реакціонеровъ. Достоевскій отстаивалъ самодержавіе во имя свободы народной—какъ ни странно такое словосочетаніе, но это фактъ. Будучи по непосредственному опыту знакомъ съ отрицательными сторонами западнаго парламентаризма, онъ не вѣрилъ въ его плодотворность въ Россіи, противопоставляя этому, конечно, не идеальному, но все же исторически лучшему пока политическому режиму, идеальное, но не существующее самодержавіе и, подобно всѣмъ славянофиламъ, плохой, но все же живой ломовой лошади предпочитая кровнаго, но лишь нарисованнаго, арабскаго скакуна. Отношеніе царя къ народу онъ конструировалъ какъ отца и дѣтей, отводя въ этой конструкціи мѣсто и совѣщательному народному представительству: «оказать довѣріе» народу призывалъ онъ въ послѣднемъ «Дневникѣ писателя», почти наканунѣ I-го марта. «У насъ гражданская свобода,—писалъ онъ здѣсь же,—можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣнибудь въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ... Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви къ царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и не мыслимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не было видано». Вотъ о какомъ самодержавіи меч-

талъ Достоевскій, оттолкнувшись отъ западническаго конституціонализма. Судите сами, могъ бы онъ остаться вѣренъ этому самодержавію, если бы былъ живъ теперь, послѣ того, какъ послѣднюю четверть вѣка такъ грубо и безжалостно попирались эти мечты! Здѣсь былъ оптическій обманъ, историческая иллюзія, но не ошибка нравственнаго сужденія.

Какъ извѣстно, Достоевскій вѣрилъ въ исключительную миссію русскаго народа, народа-богоносца, какъ называлъ онъ его, ему онъ приписывалъ въ пушкинской рѣчи черты всечеловѣка, исканіе всечеловѣческой правды, всечеловѣческаго примиренія. Вѣра въ народъ, почти религіозная вѣра Достоевскаго, находясь въ связи съ его эсхатологическими представленіями, есть вообще въ высшей степени важный, центральный фактъ его проповѣди. Иногда она вводила его въ соблазнъ націонализма, въ какой не вводила уже Вл. Соловьева, всецѣло ее раздѣлявшаго, но вообще духовно грѣла его и совершенно неотъемлема отъ всего его духовнаго существа. Въ эти мучительные дни нравственнаго паденія русскаго народа, въ этой атмосферѣ всеобщаго озвѣренія и одичанія, я часто думалъ послѣднее время о Достоевскомъ. Выдержала ли бы его вѣра эти мучительныя испытанія, что онъ чувствовалъ и говорилъ бы, если бы былъ живъ теперь? Въ концѣ концовъ я отвѣтилъ себѣ на этотъ вопросъ все-таки утвердительно. Кто скажетъ, какихъ мукъ стоило бы это ему— врѣзались бы еще глубже морщины и искривились бы еще болѣе сосредоточеннымъ страданіемъ уста, но онъ справился бы съ собой, ибо звѣринаго образа, смраднаго грѣха, безпомощности противъ искушеній и даже виртуозной жестокости онъ и не отрицалъ за своимъ народомъ. Въ томъ же послѣднемъ «Дневникѣ писателя» онъ писалъ между прочимъ (и это повторяется у него въ разныхъ мѣстахъ):

«пусть, все-таки, пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ неоспоримо: это именно то, что онъ въ своемъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности), никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано ли, поздно ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть смрадъ, и смрадъ пройдетъ,

когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно, во что народъ вѣритъ, какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего проситъ у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа—Христосъ. А съ Христомъ, конечно, и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее дѣло свое всегда по христіански».

Вотъ что отвѣчалъ на аналогичные вопросы Достоевскій въ свое время и что отвѣтилъ бы теперь. Послѣ горя и позора послѣднихъ лѣтъ и одного прошлаго года ослабилась ли духовная связь, солидарность наша съ народомъ, стали ли мы ему болѣе чужды, меньше ли мы любили и вѣрили въ этотъ народъ, темный, растлѣваемый, столь легко становящійся орудіемъ темныхъ силъ? Нѣтъ, но мучительнѣй. Есть кровная привязанность, при которой причиняемыя муки только сильнѣе привязываютъ, только окончательнѣе покоряютъ, научаютъ любить и прощать, любить не за что-нибудь, но какъ будто, хотя это на самомъ дѣлѣ и невѣрно, вопреки всему. Такой любовью Достоевскій любилъ народъ русскій и ей онъ не измѣнилъ бы до конца. Но какъ нуженъ былъ бы онъ намъ теперь, въ тѣ дни, когда нѣмѣло даже могучее перо Толстого, какъ съ своимъ пламенѣющимъ сердцемъ и мучительной совѣстью со всей правдой и гнѣвомъ пророческаго обличенія ударилъ бы онъ по сердцамъ своимъ словомъ, какъ разилъ бы онъ враговъ правды, враговъ русскаго народа; но приходится намъ роковой часъ нашей исторіи переживать безъ Достоевскаго, да съ него-то было довольно и того, что онъ уже пережилъ... Позвольте мнѣ заключить эту характеристику проникновенными словами В. С. Соловьева, указывающими самую драгоцѣнную особенность духовной индивидуальности Достоевскаго:

«Въ томъ то и заслуга, въ томъ то и все значеніе такихъ людей какъ Достоевскій, что они не преклоняются передъ силой факта и не служатъ ей. Противъ этой грубой силы того, что существуетъ, у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро—въ то, что должно быть. Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра—есть подвигъ вѣры. Въ немъ вся сила человѣка. Кто неспособенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не скажетъ человѣчеству. Люди факта живутъ чужою жизнью, но не они творятъ жизнь. Творятъ жизнь люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями,

утопистами, юродивыми,—они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества. Такого человѣка мы сегодня поминаемъ» [1]).

Къ этой характеристикѣ отъ себя я прибавлю еще одну только черту. Современное человѣчество, которое лелѣетъ золотые сны о покоѣ и счастьѣ будущихъ поколѣній и ради этихъ сновъ приноситъ столько жертвъ, все же въ глубинѣ своей души, въ интимнѣйшихъ своихъ порывахъ чтитъ только страданіе, вольное жертвенное и даже невольное. Отчего такъ дороги намъ, такъ повелительно склоняютъ наши почтительныя головы освобожденные шлиссельбуржцы и другіе страдальцы-мученики освободительнаго движенія? Достоевскій, какъ никто, почувствовалъ и выразилъ эту коренную общечеловѣческую черту. Вспомните мучительную сцену Раскольникова съ Соней, когда онъ вдругъ опускается на колѣни и цѣлуетъ ей ногу.

—Что вы, что вы это? Передо мною!—пробормотала она, поблѣднѣвъ, и больно-больно сжалось вдругъ ея сердце.

Онъ тотчасъ всталъ.

—Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился,—какъ то дико произнесъ онъ и отошелъ къ окну.

Вы помните также, какъ святой старецъ кланялся Дмитрію Карамазову въ ноги, предчувствуя, на какое страданіе онъ обреченъ. Можно по разному объяснять это, но въ этихъ чувствахъ, въ этихъ переживаніяхъ содержится какая то глубокая и значительная правда. Поклонимся же и мы святынѣ человѣческаго страданія въ лицѣ нашего писателя, чело котораго, вмѣстѣ съ лучемъ безсмертія, вѣнчаетъ самый высшій вѣнецъ, какого можетъ удостоиться человѣкъ, в ѣ н е ц ъ т е р н о в ы й!..

---

[1]) Собр. соч. В. С. Соловьева, т. III, 185.

Религіозно-общественная библіотека.

«Вопросы религіи», вып. I, сборникъ . . . . . 1 р. 50 к.
Свенцицкій и Эрнъ. «Взыскующимъ Града» . . . 15 »

Серія I, для интиллегенціи.

Проф. С. Н. Булгаковъ. Неотложная задача (о союзѣ христіанской политики) . . . . . 15 к.
Вал. Свенцицкій. Христіанское Братство Борьбы и его программа . . . . . 10 »
Вл. Эрнъ. Христіанское отношеніе къ собственности . . . . . 15 »
Волжскій. Ѳ. М. Достоевскій. (Жизнь и проповѣдь) . . . . . 25 »
Волжскій. Гаршинъ, какъ религіозный типъ . . 15 »
В. Эрнъ. Пастырь новаго типа . . . . . 8 »
Проф. С. Н. Булгаковъ. Краткій очеркъ политической экономіи . . . . . 50 »

Серія II, для народа.

Вал. Свенцицкій. Что нужно крестьянину? . . . . 3 к.
А. Ельчаниновъ. О самоуправленіи . . . . . 1 »
В. Марковъ. Положеніе евреевъ въ Россіи . . . 2 »
Д. Рябиничъ. Восьмичасовой рабочій день . . . 3 »
Вл. Эрнъ. Семь свободъ . . . . . 3 »
А. Ельчаниновъ. Житіе св. Франциска . . . . . 8 »
Вл. Эрнъ. Какъ нужно жить христіанамъ? . . . 3 »
Д. Рябининъ. Зачѣмъ нужны рабочимъ союзы? . 3 »
Вал. Свенцицкій. «Правда о землѣ» . . . . . 20 »
Омега. Солдатъ задумался (три разсказа) печатается.
Свящ. Іона Брихничевъ. „Вы все еще спите!“ (печатается).

Серія III, переводная.

Брентано. Христіанско-соціалистическое движеніе въ Англіи . . . . . 40 к.

Проф. Зомъ. Церковный строй въ первые вѣка христіанства (печатается).

Гарнакъ. Сущность христіанства. (Вступительная статья В. Ф. Эрна) . . . . . 70 к.

Флоберъ. Искушеніе святого Антонія (печатается).

ЦѢНА 40 КОП.

Складъ изданія въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ: Москва, Остоженка, 1-й Зачатьевскій пер., домъ Щеръ.